

НАЦИЯ КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАЧАЛ

Груздев А. А., Подьяпольский С. А.

ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Россия (660041, Красноярск, пр. Свободный, 79), e-mail: spodyapolsky@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи этнокультурных и гражданских аспектов в феномене нации. Вопрос раскрывается как в сравнительно-историческом, так и в современном контексте. Критикуется подход, согласно которому эти две разновидности нации принципиально различны. Формирование французской гражданской нации имело существенный этнокультурный аспект, тогда как развитие немецкого национализма – серьезную гражданскую составляющую. В современных условиях разграничение наций и национализмов на гражданские и этнические является нечетким в теоретическом и малопродуктивным в практическом отношении, поскольку развитие нации сочетает в себе черты политического проекта и культурного процесса. Аргументируется тезис о необходимости целостного взгляда на этот феномен. Корректное описание и представление национального развития возможно лишь с учетом роли гражданского и этнокультурного начал, находящихся в отношениях взаимного дополнения.

Ключевые слова: нация, национализм, этнокультурная нация, гражданская нация.

NATION AS INTEGRITY OF CIVIL AND ETHNOCULTURAL ELEMENTS

Gruzdev A. A., Podyapolskiy S. A.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia (660041, Krasnoyarsk, Svobodny prospekt, 79), e-mail: spodyapolsky@yandex.ru

This article is devoted to the problem of connection between ethnocultural and civil aspects in the nation as phenomenon. This problem is solved in comparative-historical and modern context. Approach, which argues that these two types of nation are fundamentally different is criticized in this research. Formation of the French civil nation had a significant ethnocultural aspect, while development of German nationalism had a serious civil component. In modern conditions, separation of nations and nationalisms in the civil and ethnic is unclear in theoretical way and counterproductive in practical terms, because nation development combines the features of a political project and the cultural process. We proved the necessity for holistic view on these phenomena. The correct description and presentation of national development is possible only with regard to the role of civil and ethnocultural principles, which are mutual complemented.

Keywords: nation, nationalism, ethnocultural nation, civil nation.

Введение

Роль элементов культуры в формировании и сохранении нации находится в центре внимания современных исследователей [5, с. 632]. В современной науке и публицистике существует точка зрения о наличии двух принципиально различных значений понятия «нация» – гражданского и этического. Описывая процессы становления европейских наций, многие исследователи указывают, что в одних случаях нация создавалась как согражданство, в других – как этнокультурная общность. На наш взгляд, это противоречие не является абсолютным и должно быть снято в результате нового синтеза.

Материал и методы исследования

Анализ развития нации, описание отношений между гражданскими и этническими основаниями ее возникновения требует опоры на исторические и политические данные. Для

реализации цели исследования применяется сравнительно-исторический и генетический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

В науке и публицистике распространена точка зрения, согласно которой за рубежом слово «нация» понимает в значении «согражданство», и только в социалистическом мире оно ошибочно трактовалось в этническом смысле. Отсюда делался вывод, что ключ к решению этнонациональных проблем – решительный отказ от второго значения в пользу первого. Особенно активно это воззрение пропагандировалось на рубеже 1980–1990-х гг.

В действительности, дело обстоит несколько сложнее. Как указывает М. Грох, «английское *nation* включает всех, живущих под властью одного правительства, т. е. нечто очень близкое к государству», тогда как «немецкое «*die Nation*» традиционно ассоциировалось с общими культурой и языком. Поэтому термин «национализм» имеет разные коннотации в английском и, скажем, в испанском или чешском» [4].

Как в зарубежной, так и в современной российской науке широкое распространение получил подход Н. Кона, который в 1944 году провел различие между «более доброкачественными» западными и «более вредоносными» восточными (а точнее — незападными) формами национализма. По его мнению, первые (например, французская) основаны на идее, что нация это рациональная ассоциация граждан, связанных общими законами и территорией, тогда как вторые (в частности, германская) опираются на веру в общую культуру и этническое происхождение [13, с. 39].

Отечественный исследователь Я. Шимов утверждает: «Восточноевропейский этнонационализм отличался от национализма западноевропейского, гражданского. Последний признавал принадлежность к нации всех граждан данного государства, в то время как первый делал акцент на этническое происхождение, признавая права «полноценного» члена нации только за этнически «чистыми» особями... Конечно, и Запад далеко не был свободен от ксенофобии и проявлений этнонационализма – достаточно вспомнить дело Дрейфуса во Франции, – однако вектор исторического развития в данном случае (за исключением Германии, где этнонационализм восторжествовал в своей крайней, нацистской форме) был направлен в сторону более мягкого гражданского национализма, в то время как на востоке Европы – в сторону национализма этнического» [11]

Для того чтобы проверить, справедливо ли такое разграничение, уместно сделать небольшой экскурс сначала во французскую, а затем в немецкую историю. Незадолго до Великой Французской революции аббат Сийес в своем основополагающем труде «Что такое третье сословие?» определил нацию как «совокупность индивидов, подчиняющихся общему закону и представленных в одном и том же законодательном собрании» [10, с. 118].

Очевидно, что такое понимание не имело ничего общего с «двухкомпонентной» теорией, выдвинутой французской аристократией, согласно которой простой народ происходит от галлов, которые были побеждены и обращены в рабство франками – предками знатного сословия.

19 ноября 1789 г. 1200 национальных гвардейцев из Лангедока, Дофинэ и Прованса, собравшихся у города Баланс, принесли присягу на верность Нации, Закону и Королю и объявили, что отныне они уже не провансальцы, лангедокцы и т.п., а просто французы. Точно так же поступила в 1790 г. национальная гвардия Эльзаса, Лотарингии и Франш-Конте. Как указывает Э. Хобсбаум, «это еще более показательный пример, ибо таким образом в настоящих французов превратились обитатели провинций, аннексированных Францией всего лишь за столетие до описываемых событий [9]. Уже в период якобинской диктатуры гражданин, не говоривший по-французски, стал внушать подозрения.

Французская революция продолжила линию на централизацию страны, начатую в период абсолютизма. В 1790 г. страна была разделена на департаменты, те, в свою очередь, – на кантоны, а последние – на коммуны. Введение нового территориального деления способствовало как рационализации государственного управления, так и укреплению в общественном сознании представления о целостности государства.

Одной из главных угроз революции стал региональный сепаратизм департамента Вандея. Распространению контрреволюционных настроений способствовала культурная и языковая специфика региона. Как отмечает Е. М. Мягкова, по мнению современников, «французский язык был языком Революции, пуату (на котором говорили в Вандее. – С.П.), напротив, – контрреволюции... Диалекты соответственно определялись как отражение феодализма, варварства, рабства, предательства, суеверия и фанатизма» [6].

Как указывает Э. Д. Смит, «создавая централизованную экономически и политически территорию и единую политическую культуру, патриоты надеялись вдохнуть во французских граждан пламенную страсть к перерожденной французской республиканской нации» [13, с. 26]. Стремление к унификации нашло также выражение в создании при императоре Наполеоне I Гражданского кодекса, систематическом составлении земельного кадастра и выборе метрической системы мер, признанной сегодня во всем мире.

Надо заметить, что унификация в сфере образования началась еще в период абсолютной монархии. Уже в XVII в. были проведено упорядочение правописания и норм литературного языка, возросла роль Парижа как общегосударственного культурного центра. В 1539 г. королевский указ предписал использовать французский язык в судопроизводстве и в законодательных актах, в 1634 г. была создана Французская академия, в 1649 г. издан Академический словарь. Тем не менее предреволюционная Франция представляла собой

страну нескольких разобщенных этнических групп – бретонцев, гасконцев, бургундов, лотарингов. Французский язык понимало 20 % населения. Однако после революции 1789 г. началась политика вытеснения всех остальных языков французским. Целенаправленная государственная политика сделала своё дело, французский язык стал господствующим, и Франция стала в значительной мере этнически гомогенной.

Обращаясь к истории «недоброкачественного», по мнению Н. Кона (а главным образом — его последователей), немецкого национализма, начнем с того, что существенное различие здесь и в самом деле есть. В терминологии Э. Геллнера, в первом «часовом поясе» становления национальных государств, к которому относится и Франция, возникновение требования о совпадении политических и культурных границ способствовало здесь лишь узаконению статус-кво (то есть укреплению целостности уже существовавших государств). Во втором же «часовом поясе», расположенном восточнее, не было «династических государств», готовых удовлетворить требования национализма, однако существовали «две чрезвычайно развитые кодифицированные культуры – итальянская и немецкая» [7, с. 104]. По образному выражению данного ученого, требовалось только возвести «единую политическую крышу» над территорией, где уже доминировала определенная высокая культура [7, с. 104].

Вместе с тем К. Хюбнер решительно подчеркивает: немецкой философии XVIII в., ставившей вопрос о нации как несущей субстанции государства, был чужд любого рода шовинизм [10, с. 127-128]. Ю. Мезер говорил о надвременном характере нации, в котором прошлое, современность и будущее связаны друг с другом в нерасторжимое единство. Его младший современник И. Г. Гердер утверждал, что народ образует единство, в котором мертвые, живые и те, кому суждено жить в будущем, связаны друг с другом [10, с. 125]. Сравним, что писал французский философ Э. Ренан, считающийся апологетом «гражданской нации». По мнению Э. Ренана, нация — это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем. Нация предполагает прошедшее, но в настоящем она резюмируется вполне осязаемым фактом: это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь» [8, с. 101-102]. Только после этих слов философ высказывает свою ставшую знаменитой фразу: «Существование нации – это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума – вечное утверждение жизни» [8, с. 102].

К. Хюбнер проводит различие между представлениями романтической философии и взглядами И.-Г. Фихте, указывая, что последний приписывал немцам особую роль среди других наций, проповедовал их национальную исключительность [10, с. 147]. Вместе с тем нация в понимании последнего представляла собой не биологическую данность, а результат

серьезной просветительской работы. Мыслитель писал: «Мы хотим через воспитание образовать немцев так, чтобы они составили одно целое, которое было бы одушевляемо и руководимо во всех своих частях одними условиями» [3, с. 190-191].

К. Хюбнер указывает, что философия романтизма «противопоставила механистической парадигме Просвещения мышление, выводимое из принципа жизни и организма. Она мыслила в категориях целостности, где целое в той же мере заключено в части, как часть — в целом» [10, с. 125]. Однако во второй половине XIX в. романтическое понятие организма стало толковаться совсем иначе «в смысле эмпирической биологии». Если романтики «понимали под организмом нечто духовное», то их наследники «укореняли эту духовность в биологической материи. У них оно выросло на почве расы, да и было всего лишь ее функцией». В их представлении человечество распределялось на расово полноценные и расово неполноценные экземпляры» [10, с. 125]. Собственно говоря, здесь перед нами даже уже не национализм, а чистой воды расизм, идущий вразрез с предшествовавшей ему интеллектуальной традицией немецкого романтизма. Причем видное место среди основоположников расизма занимают француз Ж. де Гобино и англичанин Х. С. Чемберлен.

В целом проведенный выше экскурс показал, что формирование французской гражданской нации имело существенный этнокультурный аспект, тогда как развитие немецкого национализма – серьезную гражданскую составляющую. Обратимся теперь к дню сегодняшнему.

Чрезвычайно содержательный анализ деления национализма на этнический и гражданский провел Р. Брубейкер. Он показал, что отнесение национального движения к первому или второму виду на практике представляет собой не беспристрастную научную экспертизу, а элемент политической борьбы (даже когда в неё втянуты обладатели ученых степеней). Почти все ныне существующие в Европе сепаратистские движения позиционируют себя как «гражданские» националисты, тогда как их оппоненты пытаются доказать обратное. Этому способствует зыбкость соответствующих понятий [1, с. 241-244].

Ученый указывает, что под «этническим» национализмом можно понимать определение нации по критерию биологического происхождения (хотя это, как мы знаем, не соответствует социокультурной природе этничности), однако лишь очень редкие националисты выходят в публичное пространство с подобными лозунгами. Можно понимать «этническое» как «этнокультурное», но тогда истончается грань, отделяющая эти два вида национализма. Р. Брубейкер подчеркивает: даже случаи Франции и Америки, которые чаще всего приводятся в качестве ярких примеров гражданского национализма, содержат решающий этнокультурный компонент. Без апелляции к тому или иному культурному

наследию, общему прошлому, мифам и символам национальный лозунг оказывается бессодержательным.

В свою очередь, прилагательное «гражданский» можно либо сводить к политико-правовому институту гражданства (тогда под нацией понимается простая совокупность людей с паспортами одинакового образца), либо связывать с гражданской активностью и участием, с демократией.

В целом же «глубокая неясность терминов «гражданский» и «этнический», и в частности неопределенное место культуры в схеме «гражданское-этническое» ставит под вопрос полезность самого этого различия» [1, с. 253]. На основании изложенного Р. Брубейкер приходит к выводу, что деление национализмов по данному основанию является нечетким в теоретическом и малопродуктивным в практическом отношении.

На наш взгляд, вопрос о соотношении этнокультурных и гражданских черт в нации – это вопрос о выделении некоторого основания, интегрирующего социум [2]. Этот вопрос имеет корреляцию со спором этнологических парадигм о том, являются ли нации порождением модерна или уходят корнями в глубокую древность. Модернисты (и особенно конструктивисты) подчеркивают, что нации являются новым историческим явлением, им оппонируют примордиалисты, а перенниалисты отмечают преемственность, существующую между доиндустриальными и новыми этническими общностями.

А.М. Юсуповский полагает, что примордиализм и конструктивизм представляют собой «две стороны одной медали, находящиеся в отношениях взаимодополнительности». По мнению автора, национальное развитие сочетает черты процесса и проекта. «Если примордиалистское понимание естественной органичной этничности описывает более «процесс», то конструктивистское относится к «проекту», однако «исходит из произвольности проекта подминающего и подменяющего собой процесс». В этом вопросе необходим взвешенный подход. И исследователь предлагает разумный компромисс: «Нацию нельзя редуцировать до этноса, но нельзя и игнорировать этнические этажи национального развития» [12, с. 104]. Речь идет о том, что нация, формируясь на базе культуры того или иного этноса (а в отдельных случаях, как в Швейцарии — нескольких этносов), вместе с тем является социальной системой качественно нового уровня.

На основании изложенного можно сделать ряд **выводов**:

1) противопоставление «доброкачественного» западного и «зловредного» восточного национализмов не отражает действительного положения дел. Так, например, формирование французской гражданской нации имело существенный этнокультурный аспект, тогда как развитие раннего немецкого национализма – серьезную гражданскую составляющую. Здесь

можно так или иначе расставлять акценты, но не противопоставлять две формы как нечто якобы принципиально различное;

2) в современных условиях разграничение наций и национализмов на гражданские и этнические является нечетким в теоретическом и малопродуктивным в практическом отношении;

3) поскольку развитие нации сочетает в себе черты политического проекта и этнокультурного процесса, целостный взгляд на этот феномен возможен лишь с пониманием роли гражданского и этнокультурного начал, находящихся в отношениях взаимного дополнения.

Список литературы

1. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Викторук Е. Н., Викторук Е. А. Этика и мораль глобального мира: пути к «человеку воспитанному» [Электронный ресурс] // Глобалистика.ру: сайт. URL: http://www.globalistika.ru/biblio/actual_phil_6.htm#h (дата обращения 07.10.2013).
3. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и в литературе / А. Градовский; предисл. А. С. Сенина; Гос. публ. ист. б-ка России. – М., 2009.
4. Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций [Электронный ресурс] // Вопросы философии: сайт. – URL : http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=257&Itemid=52 (дата обращения 07.10.2013).
5. Копцева Н. П., Бахова Н. А., Медянцева Н. В. Классические и современные подходы к этнокультурным исследованиям. Ядро этноса // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 4. – № 5. – С. 615-632.
6. Мягкова Е. М. «Непостижимая Вандея»: государство и власть в политическом пространстве сельского общества [Электронный ресурс] // Официальный сайт Французского ежегодника: сайт. – URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Miagkova-2003.html> (дата обращения 07.10.2013).
7. Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. – СПб.: Норма, 2007.
8. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12-ти томах / Пер. с фр. под ред. В.Н. Михайловского. – Т.6. – Киев, 1902. – С. 87-101.

9. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. [Электронный ресурс] // Библиотека Коммари: сайт. – URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения 07.10.2013).
10. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Канон+, 2001.
11. Шимов Я. Национализм в Центральной, Восточной Европе и России: генезис, особенности развития, современность [Электронный ресурс] // Полит.Ру: сайт. – URL : <http://www.polit.ru/research/2005/10/20/shimov.html> (дата обращения 07.10.2013).
12. Юсуповский А. М. От национального кризиса к национальному соразвитию: в поисках адекватной модели // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 102-112.
13. Smith A. D. Nationalism: Theory, Ideology, History. Malden, USA. Blackwell Publishers, 2001.

Рецензенты:

Викторук Е. Н., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой философии Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск.

Копцева Н. П., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой культурологии Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск.